

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К83

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателей запрещается.

Художник — *Александр Руденко*

Фотомодель — *Татьяна Федорищева*

Фотограф — *Ника Мельн*

Крон, Мишель.

К83 Он, Она и Париж : [роман] / Мишель Крон. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-17-114257-5

Он разбогател, и Она преобразилась. Из Золушки — в принцессу. Однако это преобразование не принесло долгожданного счастья. Мир больших денег, в который Ей пришлось окунуться, пугает Ее своей холодной расчетливостью и пренебрежением к людским судьбам. Но в этом мире живет Он, который уже не мыслит для себя иного существования! Что делать Золушке, которая видит, как любимый принц с каждым днем отдаляется от Нее? И тут в их такую роскошную и такую непростую жизнь врывается Париж...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114257-5

© М. Крон, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Автор благодарит писателя Дмитрия Силлова
за идеи, поддержку и вдохновение*

— Зая, погладишь мне рубашку?

— Конечно, солнышко.

Улыбки. Поцелуйчики. Касания рук. И я иду за утюгом. Всё как обычно. Всё как всегда.

Наш брак похож на работу. Не сказать, чтобы нелюбимую. Таковую, как у всех. Каждый день похож на предыдущий, словно куриные яйца в супермаркете — гладкие, ровные, если и с трещинками, то не критичными. Мелкими, незаметными, о которых тут же забываешь. Подруги говорят, что мне повезло. Наверно, это так и есть.

Утюг скользит по его рубашке туда-сюда. Смятое становится гладким. Я это умею — сглаживать. Мой рецепт пресловутого счастья. Провести ладонью по Его напряженной спине, которая расслабляется под моими руками. Сменить тему разговора, который может завести не туда...

Ну и, само собой, вот это. Свежие, отутюженные рубашки нужны ему каждый день, такая уж у Него работа. Мне не трудно, даже, возможно, я получаю от этого некоторое удовольствие. Ту-

Мишель Крон

да-сюда. Когда разглаживаешь материю, не нужно думать ни о чем другом. Только об уютге, рубашке и складках, которых с каждым моим движением становится всё меньше и меньше. Всё остальное — потом.

Сегодня Он выбрал синий жаккардовый галстук из шелкового микса в белую крапинку. Если приглядеться, то крапинки оказываются логотипом известного бренда. В жизни так же. С виду вроде дурацкие крапинки, а приглядишься — надо же, бренд!

Я завязываю узел так, как умею только я. Он мне говорит это каждый раз перед уходом на работу. Наверно, это так. Он у меня красавец, думаю, ему есть, с чем сравнивать. Вернее, с кем. Хотя мы никогда не говорим о том, что у нас было до брака. Тоже, кстати, составляющая рецепта семейного счастья. Хорошо, что мы оба понимаем это.

Он защелкивает на запястье красивые «Брайты», сверкающие полированной сталью. Это его рабочая униформа — дорогушие часы и нереальной цены костюм. Придет в чем-то более дешевом — значит, столько он и сто́ит. То есть платить ему можно меньше. В его среде дресс-код словно табло, с которого можно считать многое о человеке — его банковский счет, социальный статус,

Он, Она и Париж

образование. Поэтому хочешь-не хочешь, а за все эти галстуки-часы-рубашки-запонки приходится отваливать кругленькие суммы.

Кстати, когда вот эти Его статусные часы мы покупали вместе, в фирменном салоне, там же он с ходу предложил — давай тебе тоже возьмем женский вариант. Я отказалась. На моей работе такие часы могут отпугнуть не очень богатых клиентов. Да и жалко их таскать каждый день — постоянно ходи и думай, что у тебя на руке висит целая пачка денег. А еще я трусиха. Буду опасаться, что их у меня с рукой отрут. Лучше уж пусть Он один в нашей маленькой семье будет весь упакованный и соответствующий среде, в которой вращается. Мне всё это пока не нужно.

— Пока, Зая, хорошего дня, — говорит Он, целуя меня в щеку.

Я терпеть не могу, когда Он называет меня Зая, но никогда не скажу ему об этом.

— Пока, солнышко. И тебя тем же по тому же месту.

Он смеется, так же как делает это каждое утро перед тем, как захлопнуть дверь. Он всегда уходит на час раньше меня — ему дольше ехать до работы по пробкам. Мне — ближе. К тому же моё

Мишель Крон

начальство закрывает глаза на опоздания сотрудников, само такое. Зато задержаться после шести на пару часов, чтобы доделать недоделанное, — это святое.

Крашусь. Щеточка скользит по ресницам. Тот момент, когда можно погладить не другого, и не для другого. Макияж — это только для себя. Эдакая ежедневная косметическая мастурбация, требующая максимальной сосредоточенности и приносящая удовлетворение, если всё сделано хорошо. Метод психологической разгрузки, когда думаешь лишь о том, чтобы не чихнуть, иначе под глазами останутся следы от ресниц и придется начинать всё сначала.

Он говорит, что мне это не нужно, что я и так красавица. Приятно, конечно. Но когда я накрашена, то из ниоткуда появляется чувство защищенности, словно я надела броню. Казалось бы, должно быть наоборот, косметика создана, чтобы привлекать чужие взгляды. Но я же знаю — с ней мое лицо становится другим. Непроступным. Холодным. Защищенным от внимания других, будто я опустила стальное забрало средневекового шлема, отражающее стрелы врага. Нонсенс, если вдуматься — накладывать макияж ради того, чтобы защититься от чужих взглядов. Но вдумываться не надо, когда красишься, иначе рука дернется и слипнутся ресницы.

Он, Она и Париж

Раньше они слипались чаще. Тогда я не могла позволить себе дорогую косметику, и приходилось очень постараться, чтобы выглядеть не хуже тех, кто мог. Хотя я понимала, что это не так. Что когда дешево, это всегда хуже. И тогда мое лицо становилось еще неприступней. Это нормально. Чем бюджетнее косметика, тем более гордо вышагивает та, кто не может позволить себе другую. Когда нет денег, гордость — это единственное, что тебе доступно в любых количествах.

Правда, потом Он нашел хорошую работу и у меня появилась возможность покупать тушь, не скатывающуюся в комочки, что постоянно падают с ресниц на одежду. И дорогую помаду, которая не оставляет ощущения липкого поцелуя, и не сразу смазывается с внутренней стороны губ. Всё-таки любимого мужчину лучше целовать так, чтобы обоим было приятно.

Любимого...

Иду на кухню. Небольшую и, как мне кажется, уютную. Для меня это важно, чтобы рабочее место — а для любой хозяйки кухня это именно оно — не напоминало о домашних делах, как о чем-то нудном и обязательном.

Например, для достижения этого эффекта я недавно купила репродукцию какой-то картины и по-

Мишель Крон

весила ее возле холодильника. На ней изображена река, в которой отражаются нереально крупные ночные звезды и огни большого города. А еще на ней нарисованы двое: мужчина и женщина, стоящие на берегу плотно прижавшись друг к другу, словно они одно целое. Это и решило вопрос о покупке картины. Пусть висит и напоминает о том, что мы с Ним навсегда вместе. Даже когда Его нет рядом. Как сейчас, например.

Завариваю утренний кофе, крепкий, как пощечина, стряхивающая с тебя остатки сна. Наверно, неразумно пить его после того, как накрашила губы. Но я люблю делать это именно так. У каждого из нас есть свои глупые ритуалы, которые помогают чувствовать себя собой. Они часть твоей индивидуальности. Пусть нерациональной. Но это не страшно. Когда проблему легко исправить двумя мазками помады и мытьем чашки с яркими отпечатками твоей неповторимости, это не проблема, а приятные хлопоты.

Утренний кофе — это хороший повод подумать о любви. Лишний раз сказать самой себе, что у тебя всё хорошо. Жерновая кофемашина полного цикла, которая всё сделает сама, нужно только засыпать исходный продукт и залить покупную воду из стеклянной бутылки. Дорогущие кофейные зерна лювак из Вьетнама, о происхождении которых лучше не думать. Чашка из про-

Он, Она и Париж

зрачного стекла с двойными стенками, в которой напиток кажется висящим в воздухе, если смотреть сбоку...

Понимаю, что варить такой кофе в кофемашине — варварство, в турке будет и вкуснее, и правильнее. Но банально лень. Утром я почти всегда «вареная», вялая, как после перенесенного гриппа. Поэтому пусть будет так. Без дополнительных ритуалов, которые мне сейчас не нужны.

Всё это — кофемашинка, на цену которой лучше не смотреть, настоящий, неподдельный лювак с надписью «Weasel coffee chop prepp» на упаковке, чашка, привезенная Им из Берлина, и многое другое — появилось недавно. И подарено легко, в обычный будний день, с нарочитой небрежностью: «Тебе, Зая. Просто чтобы ты улыбалась».

Наверно, это и есть любовь — когда подарки не по праздникам, а просто так, потому что Он вспомнил о тебе. Хочется сказать «неважно что, пусть будет какая-то ерунда». Но после того, как Он начал дарить не ерунду, понимаешь — важно. Хотя порой с грустной ностальгией вспоминаешь дни, когда радовалась мелочам. Прошлое всегда вспоминается так, и без разницы, каким оно было.

До выхода полчаса, пора одеваться. Возвращаюсь в спальню, на ходу сбрасывая халат. Боль-

Мишель Крон

шое зеркало отражает всё честно. То, что сброшено при помощи ограничения сладкого, замененного на капусту брокколи, от которой уже тошнит. И то, что очень хочется сбросить, но пока не получается. Хотя Вик говорит, что получается, что всё вообще супер и она просто обожает мою талию, но я ей не верю. Ну, разве что грудь не подкачала. В обоих смыслах. Пока что подкачивать нечего — уверенная спелая «двойка» без малейших признаков провисания, которую Он так любит целовать. Хотя раньше делал это чаще. Вроде бы чаще. Людям всегда кажется, что в прошлом было лучше, чем сейчас, и в этом я не исключение.

Открываю шкаф. Левая сторона — новые вещи, купленные Им недавно, в период его финансового подъема. Их значительно больше, чем тех, что висят справа. Справа — это то, что осталось у меня из прошлой жизни, которая была как у всех. Вещей тех уже немного: какие-то раздала, некоторые просто отнесла на помойку. Он говорит, что и оставшееся давно пора выбросить. Я с Ним согласна. Но не выбрасываю. Почему — сама не знаю. Возможно, потому, что мне надо не забывать о том, что было до. Надо — и всё тут. И эти вещи помогают помнить. Хотя порой это очень больно.

Нижнее белье приятно ласкает кожу. Дорогие вещи от проверенных представителей мировых

Он, Она и Париж

брендов всегда такие. Нежные, как руки профессионального массажиста. Причем они радуют не только тело, но и душу.

Мне стыдно признаваться в этом, но, похоже, я попала в зависимость, когда уже не хочется носить то, что некогда было куплено на распродаже в супермаркете. Невесомое белье нежно гладит кожу, а его ценник — чувство собственной исключительности. Мерзкое для тех, кто не может себе позволить такое. И для меня тоже неприятное, ведь я помню всё, что было до. Но в то же время и приторно сладкое, от которого уже невозможно отказаться. Двойственное. По-другому и не скажешь.

Теперь дело за основной оболочкой. Главное — чтобы она подчеркивала достоинства и скрывала недостатки, которые, как говорит Вик, я сама себе придумала. Но тем не менее.

Мода и красота в одежде для меня всегда на втором плане. На первом — удобство и практичность. Чтоб было не холодно на улице и не жарко в помещении. А еще чтобы, если в метро кто-то заденет грязной сумкой, или в кафе случайно что-то ляпнешь на нее, было не очень заметно. Он вообще предлагает купить мне машину, но я не хочу. Автомобиль отгородит меня от людей, от которых я уже и так отдалилась одеждой, висящей в шкафу